

Алгебра гармонии

Он и его гитара сливаются на сцене в единое и неразделимое целое. Хотя точнее было бы сказать, «уходят» из зала, оставляя слушателя наедине с Джулиани, Моцартом, Чайковским... И объяснить причину этого ощущения словами невозможно. Как не объяснить ими музыку вообще, ибо будь человеческая речь всемогуща, зачем человеку было бы искать в окружающей жизни созвучия из семи нот?

А когда замирает последний аккорд и музыкант встает, чтобы раскланяться перед публикой, нет в его облике ничего неземного. Не создан пока сценический имидж гитариста Ивана НИКОЛАЕВСКОГО. Со временем, возможно, он сложится сам собой.

Ныне же студента II курса музыкального колледжа Магнитогорского музыкально-педагогического института им. М. И. Глинки, ставшего недавно третьим лауреатом V Всероссийского конкурса исполнителей на народных инструментах рекомендуют в неофициальных кругах просто: «Наш Ваня Николаевский».

Когда со Всероссийского конкурса, где «верхняя» возрастная планка была определена 33-мя, а нижняя — 20-ю годами, Николаевский вернулся в Магнитку, город встретил его более чем скромно. Хотя и не каждый день проходят в России конкурсы такого масштаба и уж совсем не часто возвращаются с них магнитогорцы лауреатами.

Состоявшийся чуть позже концерт студентов класса доцента МГПИ Петра Александровича Цокало, в афише которого стояло и имя Ивана Николаевского, прошел при весьма скромном стечении слушателей. Провинции нужна громкая реклама и ссылка на авторитеты. Но это тема особая...

Мастерство же не зависит от количества почитателей. А критерием исполнительского мастерства для меня всегда было неведь откуда рождающееся вдруг во время концерта ощущение легкости и уверенности в том, что «я тоже так смогу». Хотя, конечно же, не смогу никогда. Не только потому, что в жизни не держала в руках гитары, но еще и по причине неискоренимой уже боязни сцены, когда на тебя устремлены десятки-сотни глаз, и аудитория ждет. Вот тут-то охватывает жуть!

Правда, однажды мне самоуверенно заметили, что подобный страх — удел бездарностей. Но когда я спросила об этом Ваню, он, не рисуясь, ответил:

— Это действительно, очень жутко. Причем, если после одного выступления тебе говорят, что ты хорошо играешь, на следующем концерте уже боишься сыграть хуже...

— Раз уж наша рубрика носит название «Браво!», скажите, в ваш адрес этот возглас когда-нибудь звучал?

— Звучал. Даже на I туре последнего конкурса, где, в общем-то, не принято выказывать эмоции, я слышал крик «браво!» после своего выступления...

— А была установка на то, чтобы вернуться с него победителем?

— Ну что вы, на такие конкурсы с такой установкой не едут. Меня настраивали максимум на то, чтобы пройти в последний тур. Это, вообще, казалось чудом. Сравнивать исполнителя лет в 20 и в 33 года невозможно. Речь ведь идет не о каких-то там технических достижениях, речь идет об уровне музыки. А поскольку я себя пока музыкантом не считаю, я руками и ногами отбрыкивался от этой поездки.

— Сколько же вам лет?

— Семнадцать.

— А мне почему-то говорили девятнадцать...

— Это, конечно, льстит, что меня так воспринимают. Даже там, на конкурсе сказали: «Для твоих лет это очень престижно.» Но звучало это как, мол, «рано еще пока...»

— Гитара вошла в вашу жизнь с шести лет. Это тот самый возраст, когда меньше всего хочется часами играть гаммы и этюды, стремиться к совершенству. Вас-то кто смог подвигнуть на такое?

— Конечно, мне очень повезло с педагогами в третьей музыкальной школе. Потому что сначала определяется твое отношение к педагогу как к человеку, а потом уже оно перерастает в любовь к инструменту. Каким должен быть настоящий педагог? Это невозможно определить. Один может не сказать ни слова — просто зажечь тебя своей игрой. Другой, наоборот, пробуждает словом. А третий, безусловно, талантлив в музыке, но у него почему-то нет учеников... Ну и, конечно же, в первое время очень многое сделала мама. Она не музыкант — она журналист. Но все равно это было влияние творческого человека. И потом, я в последнее время очень часто сравниваю журналистику с музыкой. Например, иногда в музыке ты просто обязан «продаваться», чтобы войти в доверие к слушателю.

— Но как же быть тогда с тем, чему учит мировая культура: художник, разменивающий талант на золото, в конце концов, превращается в заурядного ремесленника?

— Нет, о материальной продаже я речи не веду. Это совсем другое. Я говорю о «продаже» репертуара публике. Для тебя главное — она. Даже если слушатели, пришедшие на концерт, недостаточно понимают музыку, отдай им сейчас свой талант именно за крик «браво!», чтобы они получили удовольствие. Знаете, я перестал уважать тех людей, которые «талантливы в себе» и не считают должным, чтобы публика их понимала. Может, кто-то скажет, что это не так, но, я считаю, долг каждого музыканта — отдавать публике то, что она от него ждет.

— Но публика тоже может оказаться «разношерстной».

— Вот поэтому для меня быть артистом означает очень грамотно составлять программы выступлений. «Воздай Богу Богово, а кесарю — кесарево.» И у нас с Петром Александровичем это извечно сложный процесс — одно мне не нравится, другое — ему, третье не отвечает каким-то техническим задачам... Но, по крайней мере пока, никто еще не говорил, что мои программы составлены плохо. Они просто ориентированы на людей.

— Возможно, к этому обязывает сама природа гитары? Она, по-моему, своеобразный инструмент — «популяризатор».

— Я с этим совершенно не согласен. Хотя гитара, действительно, позволяет сделать очень многое. Того же Баха, которого неподготовленному человеку сложно воспринимать, в гитар-

ном исполнении слушать будут. Это я сам много раз проверил. Но все равно все идет от того, что сам исполнитель считает искусством, что он собирается в него привнести. Люди считают, что надо жизнь посвящать искусству, а я считаю, что искусство нужно посвящать жизни. Это, по-моему, намного правильней.

— У вас есть образец для подражания в искусстве?

— Каждый человек, мне кажется, настолько индивидуален, что тут не может быть ориентиров. Ты можешь у кого-то чему-то учиться, но пока сам в себе этого не откроешь, будешь заниматься подражателем. В Бахе, в Моцарте, в Джулиани нужно искать себя, свой стиль, ориентируясь только на уровень музыки, которая есть в этом мире. Каждому человеку необходимо пронести себя в этой жизни, отдать свой талант людям. Как сказано в Библии, «что тебе дано — отдай и получишь большее...»

— Мы все время приходим к теме профессионализма. А вам на пути попалось много профессионалов?

— Ну, как говорят, по потребностям вырастают и знакомства. В последнее время я встречаю очень много профессиональных людей. Получается — когда сам начинаешь приближаться к уровню профессионала, к тебе приходят такие люди. Не только музыканты. Просто те, кто делает свое дело ради идеи...

— И тем не менее, любая идея, не подкрепленная широким кругом интересов, со временем вырождается в фетиш. Что входит в диапазон человеческого знания, необходимого истинному музыканту?

— Конечно, история, литература, история искусства. Это «эстетические рамки». Ну а остальное — вплоть до философии и математики, мне кажется.

— А вы сами-то математику любите?

— Нет. Не люблю. Понимаете, я ненавижу «прямоую» математику. А вот когда начинается «математика конкурсов» — «математика» твоего психологического состояния, когда ты начинаешь его «вычислять»... Ну, как это объяснить? Все равно ведь человек — какая-то малая часть общей машины, работу которой нужно уметь рассчитывать.

— Все-таки не очень понятно, как можно «рассчитать» чувства...

— Можно. Музыкант на сцене должен уметь абстрагироваться от музыки — управлять ею, а не поддаваться ей влиянию. О нем говорят, что он очень счастливый человек, потому что имеет дело с «такой музыкой». А это, между прочим, человек очень несчастный, потому что он уже от этой музыки никакого наслаждения не получает — он работает для того, чтобы это наслаждение испытали другие. Сцена и сам процесс творчества, когда ты работаешь над произведением наедине с музыкой — совершенно разные вещи. Я по крайней мере, со своей маленькой профессиональной ступеньки это вижу. Себя и свои чувства на сцене убираешь: остается единственная цель — публика. Музыка уже сама по себе — очень высокая магия. И как всякой магии ей нужно учиться...

— Как же быть тогда с тем, что «дано от Бога»?

— Дар необходим. Но, не владея «математикой магии», даже имея природную одаренность, ты все равно что-то не донесешь людям. Для меня талантливый музыкант не тот, кто со своим талантом сидит и играет на своей кухне. А тот, кто прошел через слезу, кто где-то как-то «продавал» свою музыку, но, пройдя все препоны, пробил себе путь. Пусть он даже играет хуже того, который сидит на кухне. В том, чтобы тебя признали, очень многое зависит именно от твоего волевого импульса.

— А у вас никогда не возникало «комплекса» по поводу того, что вы родились вдали от столиц, где изначально считается, путь к месту под солнцем проложить легче?

— У меня, наоборот, «комплекс», что в столице все таланты вырождаются как исполнители. Именно там люди начинают продаваться за деньги в плохом смысле. В провинции все на-

Фото В. МАКАРЕНКО.

много естественнее и по-настоящему.

— Во всяком случае, лучшие химики, физики, художники и даже музыкальные мастера всегда рождались в российской «глубинке». Вот вы играете на изумительной гитаре работы магнитогорского мастера Ивана Кузнецова. Я как слушатель, правда, могу судить о ней только по глубине звука...

— А это и есть главное. Гитары Кузнецова позволяют играть на большой зал — это очень редкое качество. Мне приходилось выступать в Свердловске в зале на восемьсот или на тысячу мест, и ни один из слушателей не посетовал на то, что плохо слышал концерт. Приходили за кулисы и говорили только: «Какая гитара! Какой звук!» А на последнем конкурсе я играл с симфоническим оркестром без микрофона, и тоже ни один человек не сказал, что гитару заглушал оркестр.

— Но между прочим, не всякому музыканту такой инструмент «по карману».

— Знаете, это просто какая-то судьба. Мы с Иваном Егоровичем познакомились очень давно на концерте гитариста Александра Фраучи. Мне тогда было лет шесть и я за руку отвел маму к Кузнецову, чтобы сделать вид, будто это она подвела меня к нему. Хотя как-то сразу возникла взаимная симпатия. У меня сейчас уже третья гитара Кузнецова. Самую первую из них мы делали вместе. Не могу сказать, что даже половину работы сделал я, но считалось, что это мое творение... Сам Кузнецов говорит, что после моих выступлений ему поступает очень много заказов, и получается, что его инструменты я начинаю «заслуживать». Но конечно, все мои гитары — это шикарные подарки...

— Мы очень увлеченно говорим о музыке, но есть еще и то, что находится вне ее.

— А музыка — это такая вещь, которую даже не назовешь работой. Это хобби, работа и жизнь, взятые вместе. И если и есть какие-то другие увлечения, то все идет через призму музыки.

— Хорошо. Но вот мне вспомнились сейчас документальные фильмы о наших вундеркиндах, которые в кадре обязательно и на скрипке играли, и в

футбол гоняли, и руку на уроках тянули...

— Я в школе таким двоечником был...

— В самом деле?

— Ну, не двоечником, конечно. Но все говорило, что я баловался.

— Стекла в окнах били и стены разрывали?

— Нет, разговаривал в кабинете директора очень много. Не то чтобы я хотел педагогам что-то доказать. Просто почему-то так получалось, а учителя очень болезненно мои выходки воспринимали. Много, конечно, еще музыка «испортила».

— ?

— Всякие поездки, например. Я, скажем, уезжаю на месяц на какой-нибудь конкурс, никому из педагогов ничего не говорю. Потом возвращаюсь — меня все ругают, а я им показываю документ. Мне это очень нравилось...

— Вот даже ваше «мальчишество» не обходилось без музыки. Но ведь должно же быть в жизни хоть какое-то «переклечение».

— Так оно и происходит от пьесы к пьесе, от эпохи к эпохе... Музыка настолько вмещает в себя все, что сыграл это — пережил одни чувства, сыграл другое — совершенно иные. Музыка может вместить в себя гораздо больше, чем окружающая жизнь.

— А если бы ее не существовало в природе вообще?

— Как это?

— А вот так. Живопись, театр, физика, математика есть, а музыки нет.

— Нет, ну... жизнь в таком абстрактном варианте я все-таки не представляю. Музыка в действительности крат усиливает восприятие жизни. Она средство выражения тех потребностей, которые у тебя есть. Не знаю, как бы мне это без нее удалось. Я могу представить свою жизнь в любом варианте, но музыка в ней должна быть обязательно! Даже если не состоится карьера музыканта...

Беседу вел В. ЗАСПИЧ.
P. S. Пока готовилось это интервью, в городе успел пройти фестиваль в рамках международной благотворительной программы «Новые имена». Иван Николаевский стал на нем лауреатом I премии, стипендиатом Российского Фонда культуры и стипендиатом Магнитогорского музыкально-педагогического института им. М. И. Глинки. Вот, пожалуй, и все. На сегодня...